

УДК 340.12

Н.А. Шавеко

ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Введение: на сегодняшний день не прекращаются политические и научные дискуссии о том, что есть право и каким оно должно быть. **Цель:** ответить на вопрос, может ли либертарно-юридическая теория служить аргументированным ответом на указанные вопросы. Соответственно автором ставятся задачи: рассмотреть либертарно-юридическое правопонимание, раскрыть его достоинства и недостатки. **Методологическая основа:** системный анализ, формально-юридический, сравнительный и другие методы. **Результаты:** аргументирована собственная точка зрения на соотношение естественно-правового и позитивистского подходов в праве; рассмотрены ключевые для либертарно-юридической концепции права понятия равенства, свободы и справедливости, связь указанной концепции с категориями правосубъектности и демократии; обозначены проблемы, вытекающие из либертарно-юридической доктрины. **Выводы:** либертарно-юридическая теория права не может считаться аргументированным ответом на стоящие перед теорией права вопросы.

Ключевые слова: В.С. Нерсесянц, либертарно-юридическая теория права, правопонимание, формальное равенство, позитивизм, юснатурализм.

N.A. Shaveko

LIBERTARIAN-LEGAL CONCEPT OF LAW: CRITICAL ANALYSIS

Background: current political and scientific discourses on what is law and what it should be have continued. **Objective:** to answer the question whether the libertarian-legal theory can serve as a reasoned answer to these questions. Accordingly, the author sets the task: to consider the libertarian legal understanding, to reveal its advantages and disadvantages. **Methodology:** system analysis, formal-legal, comparative and other methods. **Results:** the author argues his own point of view on the correlation of natural-legal and positivist approaches in law, considers the libertarian-legal theory key concepts of equality, freedom and justice, the connection of these concepts with the categories of legal personality and democracy and identifies the problems arising from the libertarian-legal doctrine. **Conclusions:** the libertarian-legal theory of law cannot be considered as a reasoned answer to the questions facing the theory of law.

Key-words: V.S. Nersesyants, libertarian-judicial theory of law, understanding of law, formal equality, positivism, jus naturale.

Что есть право? В чем его сущность и каково его социальное предназначение? Поиском ответов на эти вопросы занимались самые выдающиеся мыслители. Однако универсальное определение права, которое было бы применимым к

© Шавеко Николай Александрович, 2019
Кандидат юридических наук, научный сотрудник (Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН); e-mail: nickolai_91@inbox.ru
© Shaveko Nikolai Aleksandrivich, 2019
Candidate of law, researcher (Institute of philosophy and law of Ural branch the RAS)

любой исторической эпохе и любому государству, так и не найдено. Означает ли это, что прежние взгляды были ошибочными? И можем ли мы через новые исследования выработать, наконец, универсальное определение права? Современный исследователь В.С. Нерсисянц, ответил на этот вопрос положительно.

Он указывает, что все предшествующие теории правопонимания можно разделить на две большие группы: юснатуралистические и легистские. Юснатурализм, согласно В.С. Нерсисянцу [1, с. 10], равно как и некоторым другим современным теоретикам права [2, с. 150], по существу смешивает понятия права и морали, тем самым лишая первое из них всяческой специфики. Легизм же нивелирует специфику права, отождествляя его уже с законом как непосредственным выражением воли государства. На этом основании В.С. Нерсисянцем делается вывод о том, что обе названные концепции неверно отражали сущность права как социального явления, т.к. страдали односторонней интерпретацией.

Нам представляется, что эта позиция является несколько односторонней. Юснатурализм и легизм следует рассматривать в качестве «идеальных типов» понимания права, т.е. некоторых ценностных установок, с точки зрения которых изучается правовая действительность. Здесь спор идет именно о выработке понятия, имеющего некоторую ценность, а не о том, что мы наблюдаем в действительности (то, что представляет собой правовая сфера общественной жизни, большинство мыслителей как раз достаточно ясно понимали). Так, С.С. Алексеев указывает на то, что право «существует и развивается в известном противоборстве с государством» [3, с. 76]. Однако, признавая этот факт, юснатуралист скажет, что в нем есть проявление самостоятельной, независимой от государства сущности права, а легист, также не отрицая этот факт, укажет на то, что воля государства (являющаяся единственным «источником» права) сама испытывает на себе влияние тех или иных социальных сил, вследствие чего изменяется (что также находит выражение в праве), но это еще не значит, что право есть нечто внегосударственное. Таким образом, юснатурализм и легизм лишь акцентируют внимание на аспектах правовой действительности, но из этого не следует, что данные концепции противоречат друг другу.

В связи с изложенным напрашивается вывод о том, что ни юснатурализм, ни легизм не являются полностью неверными концепциями. Мы также можем задаться вопросами: действительно ли сторонники юснатурализма считали недостойным соблюдения любой закон, противоречащий морали? И действительно ли сторонники легизма считали не имеющим практической значимости закрепление в законе нравственных установок? Вряд ли положительный ответ на эти вопросы будет единственно верным. Следует другой вывод — тот, что универсального определения права достигнуть невозможно в принципе. Согласно М. Веберу, каждая историческая эпоха и каждое общество обладают собственными ценностями, они являются определяющими при выборе тех или иных плоскостей научного исследования [4, с. 664], и мы можем распространить это на научное понятие права. В юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой, «размышляя о сущности права, необходимо иметь в виду ее динамические свойства, учитывать, что право — это динамическая, развивающаяся система, ее свойства подвержены изменениям в процессе развития человеческого общества, точно так же как изменяется культура, язык» [5, с. 112]. Иными словами, понятие права связано с языком, как выразителем сознания, и уже сама динамичность языка обуславливает динамичность права

(кроме того, на том или ином этапе развития общества в понятие права могут включаться изменчивые свойства, которые также повлекут за собой динамичность самого понятия).

В.С. Нерсесянц обрушился с критикой на предшествующие концепции права и на основе этой критики предпринял попытку создать универсальное определение названного явления. Итогом стала разработка им оригинального либертарно-юридического понимания права.

Согласно этой концепции под сущностью права понимается принцип формального равенства, который «представляет собой единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права — всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости» [1, с. 4]. Право, таким образом, включает в себя формальную меру, формальную свободу и формальную справедливость.

Под равной мерой здесь, по-видимому, понимается такой подход, согласно которому люди, при всех их различиях, заслуживают единообразного критерия для оценки их поведения. Под равной свободой понимается неподчиненность человека человеку, способность его лично отвечать за свои поступки. Равная справедливость же предстает конкретным социальным регулированием, при котором на всех людей распространяются единые дозволения, запреты и предписания.

Понятие равенства, как равной меры у В.С. Нерсесянца не является ни фактическим, ни правовым. Автор пишет, что исходные фактические различия между людьми, рассмотренные (и регулированные) с точки зрения абстрактно-всеобщего правового принципа равенства (равной меры), предстают в итоге в виде неравенства в уже приобретенных правах... Право, как форма отношений по принципу равенства, не отменяет исходных различий между разными индивидами, а лишь формализует и упорядочивает эти различия по единому основанию, трансформирует неопределенные фактические различия в формально-определенные неравные права свободных, независимых друг от друга, равных личностей [6, с. 166].

Таким образом, личности не тождественны ни в правах, ни в имуществе, ни в своих индивидуальных качествах. Равенство, согласно вышеприведенной цитате, остается понимать его абстрактно: практика предписывает выявлять некоторые фактические различия индивидов, дифференцировать индивидов на основе различий и применять к каждой из установленных категорий соответствующее правовое регулирование (таким образом, правовое регулирование получает свою специфику в отношении каждой из этих категорий). Однако вопрос о том, какие именно отличия принимать во внимание и каковы критерии неправовой дискриминации (например, должны ли в праве учитываться исходные различия в расе, национальности и т.п.), остается при такой интерпретации открытым.

Итак, равную меру следует понимать как равенство всех конкретных людей перед абстрактными нормами закона. В этом смысле даже те нормы, которые фактически распространяются на одного конкретного человека, по своей сути являются абстрактными, т.к. этим конкретным человеком может оказаться якобы любой. Но такая абстрактность должна быть свойственна любой социальной норме, если последняя считается таковой. Любая социальная норма (норма нравственности, этикета) распространяется на всех носителей определенного статуса (например, ученик в школе, прихожанин в храме) и является абстрактной по своей сути. Поэтому в указанном смысле, формальное равенство не может служить отличительным признаком права.

Кроме того, обращает на себя внимание следующая проблема понятия равенства как равной меры. Как уже было отмечено, подразделять индивидов на те или иные категории можно до бесконечности, в конечном счете делая ту или иную норму права применимой лишь к одному конкретному человеку. Так и обстоит дело с регулированием правового статуса Президента РФ и руководителей государственных органов. Вероятно, многие согласятся и с тем, что, вводя ч. 5 ст. 247 в нынешний УПК РФ, законодатель имел в виду одного конкретного человека. Во всех подобных случаях формальность правовых норм (формальность именно как абстрактность, в смысле противоположности конкретности, как это слово употребляется у В.С. Нерсесянца) носит весьма зыбкий характер. Проблема может возникнуть в связи с тем, что законодатель, желая воздействовать с помощью правовых средств на вполне конкретного человека, установит соответствующую норму (*de facto* распространяющуюся только на одно лицо и, например, освобождающее это лицо от ответственности в силу его неприкосновенности), а по миновании надобности отменит указанную норму. В этом случае абстрактность только прикрывает конкретность. Автор либертарно-юридической концепции права не дает нам ответа на то, как следует оценивать подобные правовые нормы и являются ли они правовыми с точки зрения данной концепции.

Отметим также, что В.С. Нерсесянец напрямую связывает понятие равенства с понятием правосубъектности (правоспособности и дееспособности) лица. Он пишет, что «уравнивание предполагает наличие фактических различий и вместе с тем их незначимость с точки зрения соответствующего критерия (основания) уравнивания, а именно: свободы индивида в общественных отношениях, которая признается, выражается и утверждается в форме его правосубъектности и правоспособности» [1, с. 6]. Таким образом, равенство предстает как равная правосубъектность (равная свобода) [7, с. 17; 8, с. 26].

Казалось бы, критерий правосубъектности вносит некоторую ясность при определении правового характера закона: каждый человек должен признаваться субъектом права. Большая часть населения страны, согласно либертарно-юридической концепции, оказывается полностью или частично исключенной из сферы действия права. К этой части относятся не полностью дееспособные, ограниченно дееспособные, лишенные дееспособности, ограниченно правоспособные и в любом случае все несовершеннолетние лица (поскольку некоторые права и обязанности могут возникнуть только при наступлении совершеннолетия, даже если полная дееспособность обретена ранее). Мы должны указать на многочисленные возрастные цензы, влияющие на политические права граждан и тем самым исключаящие индивидов из правовой сферы (так, президентом РФ может стать только лицо, достигшее 35 лет). Право в отношении указанных групп индивидов лишь оценивает последствия соприкосновения этих индивидов с правовой сферой, а именно устанавливает особенности их ответственности (с учетом ненаступившей деликтоспособности), предусматривает последствия сделок, совершенных недееспособным лицом (ст. 171 ГК РФ) и пр. Другая проблема заключается в том, что критерий правосубъектности вряд ли может служить достаточным для отграничения права и неправа: во-первых, человек, наделенный формальной правосубъектностью, может быть лишен множества прав в отсутствие разумных на то оснований, и тем самым его положение в обществе нельзя рассматривать как равное с другими людьми; во-вторых, даже при наличии равных прав, возможности для их реализации могут быть совершенно разными, что также влечет фактическое неравенство, которое, как представля-

ется, оправдывалось В.С. Нерсисянцем, и выглядит сомнительной точка зрения В.В. Лапаевой, согласно которой автор либертарно-юридической концепции выступил бы в поддержку «позитивной дискриминации» как способа обеспечения равных возможностей в реализации прав [9, с. 166].

Проанализируем подробнее свободу как ключевое понятие либертарно-юридической концепции права. Предполагается, что право распространяется только на свободных индивидов. Мы можем найти примеры такого подхода в действующем законодательстве. Так, согласно Уголовному кодексу РФ, не может считаться преступником лицо, совершившее предусмотренное данным Кодексом деяние под влиянием физического принуждения (ст. 40 УК РФ), а совершение преступления в силу материальной, служебной или иной зависимости является смягчающим обстоятельством (ст. 61 УК РФ) и т.д. Гражданским кодексом РФ, в свою очередь, указывается на то, что лицо не должно нести ответственность, если нарушило свои обязательства вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (ст. 400 ГК РФ). Таким образом, право регулирует отношения только свободных индивидов и специально предусматривает случаи несвободы, исключаяющие либо уменьшающие юридическую ответственность.

Однако, в этой связи, рассматриваемая концепция имеет ряд недостатков. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что согласно Гражданскому кодексу РФ законом и договором все-таки может быть предусмотрено несение лицом гражданской ответственности в условиях, когда оно нарушило свои обязательства вследствие непреодолимой силы (ст. 400 ГК РФ). В связи с этим возникает вопрос: неужели соответствующий закон или договор должен считаться «неправовым»? Вообще, здесь можно указать на все случаи «безвиновной» ответственности, коих в действующем законодательстве не так уж мало, и которые сводятся к тому, что лицо хотя и не имело физической возможности исполнить свои обязательства, тем не менее должно понести ответственность за свои действия либо бездействие. Таким образом, действующее правовое регулирование не всегда зависит от степени свободы индивидов.

Заметим далее, что под свободой В.С. Нерсисянц понимает только внешнюю свободу. «Говоря о праве как мере (норме, форме) свободы, — пишет он, — мы имеем в виду меру этой свободы в сфере поведения людей, их внешних действий, но не находящуюся вне правовой сферы свободу внутренних усмотрений, самоопределений и решений морально независимой и автономной личности» [10, с. 344].

Между тем, право, как нам представляется, имеет тесную связь также с внутренней свободой индивида. Упорядочивая общественные отношения и устанавливая определенную меру внешней свободы индивида, право одновременно создает либо ограничивает условия для внутренней свободы индивида. Так, согласно И. Канту, естественному праву соответствует то, что необходимо для обеспечения моральной (т.е. внутренней) свободы индивида [4, с. 462].

Без учета внутренней свободы индивида сложно объяснить такие явления, как исключение уголовной ответственности при совершении деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, под влиянием психического принуждения (ст. 40 УК РФ), установление особых последствий совершения преступления либо иного правонарушения в состоянии аффекта (ст. 4.2 КоАП РФ, ст. 107, 113 УК РФ), совершение сделки под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ) либо при неспособности понимать значение своих действий и руководить

ими (ст. 177 ГК РФ). В случае когда ответственность индивида зависит от его правосубъектности, в обоснование такой зависимости мы можем сослаться на исключение из правовой сферы отношений, в которых отсутствует равенство. Но, в указанных только что примерах такое объяснение не работает, равно как и объяснение через внешнюю свободу.

К слову, конкретизируя понятия аффекта, заблуждения и т.п., право предлагает свои критерии того, что является внутренней свободой индивида, а что не является, и устанавливает последствия соответствующей несвободы. Таким образом, право может одновременно выступать мерой не только внешней, но и внутренней свободы индивида.

Здесь, однако, приходится констатировать, что, как и в случае внешней свободы, не всегда значимой для права, особые последствия внутренней несвободы право также устанавливает не всегда. Например, согласно Уголовному кодексу РФ лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности (ст. 23 УК РФ). Этим положением закона фактически признается внутренняя несвобода лица, не влекущая, тем не менее никаких правовых последствий.

Перейдем к анализу понятия формальной справедливости. Согласно В.С. Нерсесянцу, формальная справедливость есть «абстрактно-всеобщая, одинаково равная для всех... мера и форма дозволений, запретов и т.д., исключая чьи-либо привилегии» [1, с. 4]. Справедливость понимается как наличие совершенно одинакового набора прав и обязанностей, но не у всех вообще членов данного общества, а только у тех, которые принадлежат к определенной юридически значимой категории лиц. Справедливость обусловлена равенством перед абстрактным законом. При этом можно задаться вопросом о том, каковы реальные шансы того или иного индивида стать членом некоторой социальной группы (на членов которой распространяются определенные дозволения, запреты и предписания). Так, возможна ситуация, когда доступ к некоторой социальной группе законодательно сильно ограничен, и хотя формально сохраняется равенство возможностей, фактически доступ в эту социальную группу открыт только некоторым людям. Например, состоятельным гражданам легче попасть в представительные органы власти хотя бы потому, что они имеют больше средств для проведения избирательной кампании. И здесь возникает другой вопрос: не будут ли принимаемые этим представительным органом нормативные акты защищать в первую очередь интересы состоятельных людей, в том числе их интерес остаться членами данного представительного органа? Согласно либертарно-юридической концепции права, изложенный расклад будет и справедливым, и правовым, т.к. созданные привилегии не являются «индивидуальными», «частными». И здесь в расчет не берется ни воля народа, ни реальные потребности общества. Соответственно встает вопрос о ценности такого понимания права и справедливости. Позитивистский подход на смену демократической неопределенности поставил антидемократическую определенность, но и либертарно-юридический подход делает практически то же самое (отличие лишь в том, что первый допускает всякий произвол, а второй — закрепление в абстрактных конструкциях закона многих явно антиобщественных интересов).

Пытаясь преодолеть указанный недостаток, В.С. Нерсесянц указывает на тесную связь права и демократии [8, с. 32]. Обращает на себя внимание, в частности, следующее его высказывание: «Действительная и полная правосубъект-

ность индивидов предполагает и их законотворческую правосубъектность, их соучастие (в той или иной форме) в законотворчестве... Свобода возможна лишь там, где люди не только ее адресаты, но и ее творцы и защитники» [6, с. 170]. Однако если следовать такой логике, то отношения между индивидами, имеющими различные избирательные права (как активного, так и пассивного типа), априори не являются правовыми, поскольку такие индивиды не равны ни в степени своей правосубъектности, ни в степени своей свободы (например, 21-летний гражданин и 18-летний гражданин имеют различные возможности по участию в законотворчестве, вследствие чего встает вопрос об их принципиальной возможности вступить друг с другом в правовые отношения).

Соотношение права и морали. Таким образом, В.С. Нерсесянцу не удалось преодолеть недостатки юснатурализма попыткой различения права и закона через формальные, а не фактические критерии. Эти формальные критерии отчасти сами оказались размытыми и неопределенными. В действительности названный исследователь недалеко ушел от юснатуралистического отождествления права и морали, и в научной литературе даже утверждается, что он развивал кантовский естественно-правовой подход к праву (идею «всеобщего закона права») [11, с. 8], а истоки принципа формального равенства «коренятся в природе человека как носителя разумной свободной воли» [9, с. 153, 158].

Так, В.С. Нерсесянц утверждает следующее: «Компоненты принципа формального равенства (равная мера, свобода и справедливость) относятся к сфере права, а не к сфере морали, нравственности, религии и т.д.» [1, с. 5]. Между тем, очевидно, что понятия равной меры, свободы и справедливости имеют к морали не меньшее отношение, чем к праву.

Принцип равной меры существует и в сфере нравственности. Согласно этому принципу «моральные требования в равной мере должны распространяться на всех людей, независимо от их общественного положения и условий жизни. В личном плане этот принцип предполагает, что при оценке поступков других людей человек должен исходить из тех же требований, которые он предъявляет к самому себе» [12, с. 278].

Исключительно правовой характер справедливости В.С. Нерсесянц пытается вывести через отсутствие единой и всеобщей морали [1, с. 5] и через противоположную этому общезначимость правовых норм [1, с. 5]. Представляется, однако, что каждое общество характеризуется как единой моралью, так и единым законодательством (а также другими регуляторами, распространяющимися на всех членов данного социума). Поэтому аргументы В.С. Нерсесянца не выглядят убедительными.

Отметим, наконец, относительно понятия свободы, что общественная мораль, как и право (как, собственно говоря, и другие социальные регуляторы), вполне может выступать мерой, нормой и формой свободы людей, поэтому свобода также не является исключительно правовым понятием.

В обоснование своей концепции В.С. Нерсесянц приводит тот довод, что правовые нормы максимально формализованы, поэтому именно формализованность права следует считать его сущностным отличием от других социальных норм. Однако здесь необходимо понимать, что формализованность права «означает: во-первых, то, что нормы права отличаются... определенностью... во-вторых, имеют документальную или иную формализованную форму выражения» [13, с. 83]. Ни о каких других значениях формализованности как сущностного признака права не может идти речи (так, формализованность может пониматься и

в смысле формализма, то есть как деформация права, но в этом случае она не является сущностным признаком права). Связывание же формального подхода права с понятиями свободы, равенства и справедливости представляется во многом непродуманным. Кроме того, формальная определенность в принципе не может считаться абсолютным критерием разграничения права и других социальных норм, если учесть то, что многие религиозные обряды также чрезвычайно формализованы, некоторые нормы морали могут иметь фиксированную шкалу санкций [14, с. 114], а сами правовые нормы, будучи выраженными лишь в общих принципах, обычаях и прецедентах, могут оказаться недостаточно формализованными [15, с. 55–56].

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что либертарно-юридическая концепция права, предложенная В.С. Нерсесянцем, не свободна от внутренних изъянов, и не способна дать универсальное определение права. (Можно также заметить, что подобно многим юснатуралистическим теориям, она не способна дать ответ на вопрос о том, как следует вести себя человеку, столкнувшемуся с неправовым законом). В действительности даже чисто логически возможно либо юснатуралистическое, либо легистское определение права, и третьего здесь не дано: или мы признаем за правом некоторую самостоятельную (отличную от государственной воли) сущность, или мы считаем сущностью права веление государства. При этом любое определение самостоятельной сущности права (в том числе либертарно-юридическое, которое, в отличие от классического юснатуралистического, является формально-содержательным, а не фактически-содержательным) является неизбежно относительным и в некотором смысле субъективным ценностным суждением.

Библиографический список

1. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
2. *Матузов Н.И., А.В. Малько.* Теория государства и права. М.: Юрист, 2004. 505 с.
3. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1994. 224 с.
4. *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2008. 799 с.
5. *Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А.* Проблемы теории государства и права. М.: Эксмо, 2005. 649 с.
6. Проблемы общей теории государства и права / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2006. 832 с.
7. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Норма, 1997. 647 с.
8. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Норма, 2002. 282 с.
9. *Лапаева В.В.* Концепция права Р. Дворкина с позиций либертарно-юридического подхода // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 142–159.
10. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с.
11. *Архипов С.И.* Либертарная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 5. С. 5–14.
12. Словарь по этике / под ред. И. Кона. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
13. Элементарные начала общей теории права / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. 544 с.
14. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. 262 с.
15. *Шавеко Н.А.* Право и мораль. Соотношение в общетеоретическом аспекте. Ижевск, 2014. 96 с.

References

1. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: Libertarian-legal Concept // Questions of philosophy 2002 N 3. P. 3–15.
2. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law. M.: Jurist, 2004. 505 p.
3. *Alekseev S.S.* Theory of Law. Moscow: BEK, 1994. 224 p.
4. *Skirbekk G., Gilje N.* History of Philosophy. M.: VLADOS, 2008. 799 p.
5. *Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A.* Problems of the Theory of State and Law. M.: Eksmo, 2005. 649 p.
6. Problems of the General Theory of State and Law. Ed. by V.S. Nersesyants. M.: Norma, 2006. 832 p.
7. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M.: Norma, 1997. 647 p.
8. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence. Introduction to the General Theory of Law and State. M.: Norma, 2002.
9. *Lapaeva V.V.* The Concept of Law by R. Dvorkin from the Standpoint of the Libertarian-legal Approach // Works of the Institute of state and law RAS. 2013. No. 4. P. 142–159.
10. *Nersesyants V.S.* Legislation and Law. From the history of legal teachings. M.: Science, 1983. 366 p.
11. *Arkhipov S.I.* Libertarian Theory of Law by V. S. Nersesyants: Advantages and Disadvantages // Electronic Annex to the Russian legal journal. 2015. No. 5. P. 5–14.
12. Dictionary of Ethics / ed. I. Kon. M.: Politizdat, 1981. 430 p.
13. Elementary Principles of the General Theory of Law. Ed. by V.I. Chervonyuk. M.: Koloss, 2003. 544 p.
14. *Lukasheva E.A.* Law, Morality, Personality. M.: Nauka, 1986. 262 p.
15. *Shaveko N.A.* Law and Morality. The Correlation in Theoretical Aspect. Izhevsk, 2014. 96 p.

УДК 342.72/.73

В.А. Мун

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В НАУЧНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Введение: в статье раскрывается процесс становления и развития проблемы охраны прав женщин-матерей, беременных женщин, детей, в работах юристов, общественных и политических деятелей России середины XIX – начала XX вв., а также мыслителей Западной Европы, оказавших определенное влияние на формирование научной мысли России. **Цель:** раскрыть состояние и оценку положения женщин-матерей, беременных женщин, детей в работах ученых-юристов, общественных и политических деятелей России середины XIX – начала XX вв., а также сравнить теоретические концепции относительно охраны материнства и детства, устоявшиеся в России и Западной Европе. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, историко-правовой метод, сравнительный метод исследования.

© Мун Виктория Анатольевна, 2019
Соискатель кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mun.viktoriya@mail.ru
© Mun Viktoriya Anatolievna, 2019
Postgraduate degree seeker of the History of state and law department (Saratov State Law Academy)